

Исследование влияния пандемии на стабильность банковского сектора Российской Федерации

Светлана Юрьевна Хасянова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, Россия

Целью данного исследования является изучение того, как пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 повлияла на устойчивость российских банков. Для достижения поставленной цели был проведен экономико-статистический анализ показателей риска и ликвидности банковского сектора России за 2008–2020 гг. на основе методологии оценки финансовой устойчивости депозитных учреждений, разработанной Международным валютным фондом.

Этапы проведенного анализа включают: определение уровня и динамики показателей устойчивости в 2020 г. по сравнению с предшествующим пандемии 2019 г.; построение исторических трендов показателей за последние 12 лет, включая пандемический кризис, с использованием метода Ходрика – Прескотта, применяемого в макроэкономических расчетах для фильтрации временных рядов; выявление отклонений фактических значений показателей от трендов, что позволило обнаружить цикличность в динамике показателей.

Полученные результаты исследования показали, что пандемический кризис 2020 г. не привел к ухудшению стабильности банковского сектора Российской Федерации, более того, показатели уровня риска и ликвидности улучшились по сравнению с докризисным периодом. Вместе с тем, направления исторических трендов за период 2008–2020 гг. показывают усиление рисков в банковском секторе, однако это вызвано резким «выбросом» показателей риска в периоды предыдущих кризисов 2009 и 2015 гг. Выявленные отклонения показателей от трендов позволили сделать вывод об усилении риска и повышении ликвидности в секторе на спаде кредитного цикла и в период кризисов и обратной тенденции на подъеме цикла и во время кредитного бума, за исключением 2016–2018 гг. и 2020 г., что объясняется, соответственно, структурными изменениями в банковском секторе и особенностями пандемического кризиса.

Результаты исследования могут быть полезны аналитикам и регуляторам в ходе макроэкономического анализа и прогнозирования, а также банкам для совершенствования внутренних процедур управления рисками с учетом стадий экономического цикла.

Ключевые слова: банковский сектор, пандемия COVID-19, финансовая стабильность, кредитный риск, ликвидность.

JEL: G21, G28, O57.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-5-96-109>.

Для цитирования: Хасянова С.Ю. Исследование влияния пандемии на стабильность банковского сектора Российской Федерации. Вопросы статистики. 2022;29(5):96–109.

Study of the Impact of the Pandemic on the Stability of the Russian Banking Sector

Svetlana Yu. Khasyanova

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Nizhny Novgorod, Russia

The purpose of this study is to investigate how the COVID-19 pandemic affected the stability of Russian banks. To achieve this goal, an economic and statistical analysis of the risk and liquidity indicators of the Russian banking sector for the period 2008–2020 was performed. The analysis was based on the methodology for assessing the financial stability of deposit institutions developed by the International Monetary Fund.

The analysis includes the following steps: determining the level and dynamics of sustainability indicators in 2020 in comparison to the pre-pandemic levels in 2019; constructing historical trends of the indicators over the last 12 years, including the pandemic crisis, applying the Hodrick – Prescott method used in macroeconomics to filter time series; identifying deviations of the indicators' actual values from the trends, which made it possible to detect cyclicity in the indicators' dynamics.

The findings revealed that the pandemic crisis of 2020 did not lead to a deterioration in the stability of the Russian banking sector, moreover, the liquidity risk indicators improved in comparison to the pre-crisis period. At the same time, the historical trends for the period 2008–2020 showed an increase in risks in the banking sector, however, this was caused by a sharp "outlier" of risk indicators during the previous crises of 2009 and 2015. The identified deviations of the indicators from the trends allowed us to conclude that the risk raises and the liquidity increases in the sector during recession of the credit cycle and crises, and vice versa during the cycle expansion and credit boom, with the exception of 2016–2018 and 2020, which is explained, respectively, by the structural changes in the banking sector and the pandemic crisis.

The results of this study could be valuable for analysts and regulators in the course of macroeconomic analysis and forecasting, as well as for banks when improving internal risk management procedures to address the economic cyclicality concern.

Keywords: banking sector, pandemic COVID-19, financial stability, credit risk, liquidity.

JEL: G21, G28, O57.

doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2022-29-5-96-109>.

For citation: Khasyanova S.Yu. Study of the Impact of the Pandemic on the Stability of the Russian Banking Sector. *Voprosy Statistiki*. 2022;29(5):96–109. (In Russ.)

Введение

Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 (далее — пандемия) привела к свертыванию деловой активности во многих отраслях и катастрофическим социальным последствиям по всему миру, что спровоцировало массовые банкротства и дефолты по кредитам с серьезными негативными последствиями для финансовых систем. Правительственные программы финансовой помощи заемщикам в большинстве стран заключались в предоставлении государственных гарантий по банковским кредитам и объявлении моратория на кредитные платежи [1]. Первоначальная реакция центральных банков выражалась в ослаблении финансового стресса и обеспечении беспрепятственного притока кредитов в нефинансовый сектор, а в дальнейшем был взят курс на корректировку монетарной и макропруденциальной политики. Регуляторы многих стран ввели контрциклические механизмы для поддержания кредитования реального сектора, в том числе использование ранее накопленных буферов (запасов) капитала банков.

Базельский комитет по банковскому надзору (BCBS) как международный орган банковского регулирования незамедлительно отреагировал на процессы, затронувшие мировую банковскую систему, и опубликовал рекомендации по соблюдению в банковских секторах регулятивных требований для достижения эффекта снижения банковских рисков в результате применения исключительных мер официальных властей по под-

держке экономики¹. Нововведения касаются в основном оценки кредитного риска, а именно порядка отражения в отчетности банков уровня ожидаемых потерь по кредитам, обеспеченным правительственными гарантиями и относящимся к категории ссуд с «кредитными каникулами», а также принципов учета риска при расчете достаточности капитала банков для абсорбирования убытков². Эти инициативы предоставляют банкам достаточные возможности для поддержки экономики, но и создают проблемы для пруденциального надзора, в частности по поводу того, как и когда необходимо выйти из режима мягкого регулирования. Слишком ранняя отмена льгот может привести к ослаблению поддержки экономического роста, в то время как слишком долгий льготный период может подорвать доверие к посткризисному режиму регулирования и усилить системные риски вследствие ухудшения кредитных портфелей банков. В случае, если кредитные риски будут накапливаться на балансах банков и материализуются по окончании периода мягкого регулирования, банки столкнутся с угрозой невыполнения норматива достаточности капитала, который является главным индикатором стабильности банка и банковской системы в целом.

Банк России с начала пандемии реализовал комплекс антикризисных мер по восстановлению финансового рынка, в том числе контрциклическое регулирование. В целях расширения кредитного предложения были снижены макропруденциальные требования к капиталу банков по вновь выдаваемым кредитам и распушены ранее нако-

¹ Measures to Reflect the Impact of COVID-19 // Basel Committee on Banking Supervision. 2020. 3 p. URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d498.pdf> (дата обращения 19.09.2021).

² Рекомендации BCBS по корректировке регулятивных требований вводят критерии реклассификации ссуд по группам кредитного риска, переходный механизм поэтапного учета ожидаемых кредитных потерь и порядок их отнесения на стоимость рискованных активов при расчете норматива достаточности капитала. При реклассификации ссуд периоды моратория на платежи по кредитам исключаются из дней просрочки, а оценка качества ссуды основывается на вероятности выплаты причитающихся сумм после окончания срока действия моратория. При расчете норматива достаточности капитала реализация ожидаемых потерь производится постепенно в течение трех лет.

пленные буферы капитала³. Кроме того, вступили в силу регуляторные послабления при классификации банками ссуд по категориям риска для поддержания качества кредитных портфелей и отсрочки признания ожидаемых кредитных убытков⁴. Банк России рекомендовал банкам провести реструктуризацию действующих кредитов для смягчения долговой нагрузки заемщиков и восстановления их финансового состояния⁵. В целях нормализации ситуации с ликвидностью были ослаблены надзорные требования к банкам по выполнению нормативов ликвидности и смягчены условия предоставления им кредитных ресурсов.

Новые кредиты выдавались банками в основном в рамках льготных правительственных кредитных программ по поддержанию уровня жизни граждан, малого бизнеса и крупных компаний стратегических отраслей. Правительственные льготы выражались в установлении беспрецедентно низких процентных ставок по кредитам в условиях мягкой монетарной политики (до 0% в отношении малых предприятий и до 6,5% по ипотеке и инвестициям) и предоставлении возможности банкам списания долгов при выполнении заемщиками определенных обязательств по сохранению бизнеса.

Благодаря антикризисным мерам российский финансовый рынок после всплеска волатильности в начале пандемии относительно быстро вернулся к уровню начала 2020 г., а макроэкономические показатели банковского сектора по итогам 2020 г. продемонстрировали его устойчивость. Расширение кредитования и снижение доли «плохих» (проблемных и безнадежных) кредитов на балансах банков стали отличительными особенностями текущего кризиса, чего не наблюдалось в предыду-

щие кризисы. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. кредитный портфель банков вырос на 11%, в том числе корпоративный — на 10, розничный — на 13%; доля «плохих» кредитов снизилась на 0,6% до 9%. Достаточность капитала банков увеличилась на 0,3% до 12,5%, а рентабельность капитала, характеризующая эффективность бизнеса, снизилась, но незначительно (на 1,7% до 18%) и осталась на довольно высоком уровне⁶.

В 1 полугодии 2021 г. нормализация ситуации в банковском секторе продолжилась: кредитный портфель по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. вырос на 15%, в том числе корпоративный — на 11, розничный — на 22%; доля «плохих» кредитов снизилась до 8,4%; депозиты клиентов увеличились на 18%. Достаточность капитала осталась на прежнем уровне — 12,6%, а рентабельность капитала выросла до 22,6%⁷. Росту рентабельности капитала способствовали увеличение темпов прироста прибыли банков в результате значительного роспуска накопленных в 2020 г. резервов на возможные потери по ссудам и повышение доходности банковских операций: расходы на резервы упали на 63%, чистый процентный доход вырос на 13%, а чистый комиссионный доход — на 27%⁸. Восстановление резервов и повышение доходности бизнеса, в свою очередь, стало возможным благодаря улучшению качества заемщиков в условиях оживления экономики и роста спроса на кредит.

На фоне улучшения макроэкономических показателей банковского сектора Российской Федерации представляется полезным проанализировать динамику показателей финансовой устойчивости сектора с учетом пандемического кризиса 2020 г., определить тренды показателей

³ В Российской Федерации был поэтапно распущен накопленный банками в период циклически низких кредитных рисков (2016–2019 гг.) макропруденциальный буфер капитала по ипотечным и необеспеченным потребительским кредитам на сумму около 300 млрд руб., что позволило банкам продолжить кредитование и получить возможность покрывать будущие потери по реструктурированным кредитам (Обзор финансовой стабильности II–III кварталы 2020 года // Информационно-аналитический материал. Банк России. 2020. Т. 17. № 2. с. 19. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/31582/OFS_20-2.pdf (дата обращения 01.11.2021). Кроме того, к началу пандемии банки имели запас капитала более 5 трлн руб. с учетом макропруденциальных надбавок, которого вполне достаточно для покрытия возможных кредитных убытков в условиях стресса (Обзор финансовой стабильности IV квартал 2019–I квартал 2020 года // Информационно-аналитический материал. Банк России. 2020. Т. 16. № 1. с. 30. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/27911/OFS_20-01.pdf (дата обращения 01.11.2021).

⁴ Регуляторные послабления выражались в снижении коэффициентов риска для определенных классов кредитных требований, в том числе обеспеченных госгарантиями до 0%, а также переносе сроков досоздания резервов на возможные потери по ссудам на 2021 г. для снижения влияния процикличности кредитования на финансовый результат банков.

⁵ Обзор финансовой стабильности II–III кварталы 2020 года // Информационно-аналитический материал. Банк России. 2020. Т. 17. № 2. с. 19. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/31582/OFS_20-2.pdf (дата обращения 01.11.2021).

⁶ Банковский сектор IV квартал 2020 // Аналитический обзор. Банк России. 2020. с. 19, 21. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/35469/analytical_review_bs-2020-4.pdf (дата обращения 01.11.2021).

⁷ Банковский сектор II квартал 2021 // Аналитический обзор. Банк России. 2021. с. 18–20. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/35586/analytical_review_bs-2021-2.pdf (дата обращения 01.11.2021).

⁸ Там же, с. 4.

на протяжении последних 12 лет и отклонения фактических значений от трендов, а также сравнить величину отклонений (разрывов) в периоды трех последних банковских кризисов, пики которых пришлось на 2009, 2015 и 2020 гг., выявить цикличность в поведении показателей.

Методология и база данных

Международный опыт накопления и распространения банковской статистики центральными банками в период пандемии подтвердил важность совместных усилий стран — участниц Международного валютного фонда (МВФ), предпринятых после мирового финансового кризиса 2007–2009 гг. по созданию всеобъемлющей, гибкой и интегрированной всемирной базы данных показателей финансовой устойчивости банковских секторов (ПФУ, или FSIs)⁹.

Разработанная МВФ методология оценки финансовой устойчивости депозитных учреждений, основанная на системе CAMELS (С — капитал, А — активы, М — менеджмент, Е — доходность, L — ликвидность, S — чувствительность к риску), является инновацией в макропруденциальном анализе и предназначена для непрерывного наблюдения

за состоянием банковских систем. Аналитическая значимость и полезность базового и рекомендуемого набора ПФУ для диагностики стабильности банковских секторов доказана многочисленными эмпирическими исследованиями и практикой банковского надзора. Вместе с тем пандемия выявила необходимость выхода за рамки стандартного предложения официальной статистики ПФУ и создания в дополнение к ней более своевременных и детализированных данных для широкого обмена. Например, отложенные со стороны банков требования по кредитам, а, следовательно, и отложенное признание кредитных убытков делают целесообразным внесение значительных корректировок в официальные базы данных национальных центральных банков [2].

Поскольку банковский надзор сфокусирован, в первую очередь, на регулировании ликвидности и кредитного риска, особенно в периоды кризисов, а также в силу того, что избыточная ликвидность и повышенный кредитный риск являются отличительными особенностями банковского сектора Российской Федерации, в данном исследовании проведен анализ показателей ликвидности и кредитного риска из набора ПФУ¹⁰, приведенных в таблице.

Таблица

Показатели ликвидности и кредитного риска для оценки финансовой устойчивости банковских секторов по методологии МВФ

Наименование показателя	Экономический смысл	Формула расчета
Достаточность капитала (отношение регулятивного капитала к риск-взвешенным активам)	Степень покрытия капиталом банка кредитного, рыночного и операционного рисков (основной показатель стабильности). Нормативное значение минимум 8%	$\frac{K}{A_{\text{риск}}} \times 100\%$, где K — совокупный капитал, $A_{\text{риск}}$ — активы, взвешенные по степени риска
Нагрузка на капитал (отношение необслуживаемых кредитов за вычетом созданных резервов к капиталу)	Способность капитала абсорбировать непредвиденные потери по кредитам, непокрытым резервами. Необслуживаемые кредиты — просроченные более чем на 90 дней («плохие» кредиты)	$\frac{CЗ_{\text{пр}} - P}{K} \times 100\%$, где $CЗ_{\text{пр}}$ — просроченная ссудная задолженность сроком более 90 дней, P — резерв по ссудам, K — совокупный капитал
Доля просроченной ссудной задолженности (отношение необслуживаемых кредитов к совокупным кредитам)	Удельный вес просроченной ссудной задолженности более чем на 90 дней в совокупной ссудной задолженности	$\frac{CЗ_{\text{пр}}}{CЗ} \times 100\%$, где $CЗ_{\text{пр}}$ — просроченная ссудная задолженность сроком более 90 дней, $CЗ$ — совокупная ссудная задолженность
Отношение ликвидных активов к краткосрочным обязательствам	Степень покрытия краткосрочных обязательств ликвидными активами	$\frac{ЛА}{КО} \times 100\%$, где $ЛА$ — ликвидные активы со сроком погашения до 90 дней, $КО$ — краткосрочные обязательства со сроком исполнения в течение 1 года
Отношение депозитов клиентов к кредитам клиентам	Степень финансирования кредитов, предоставленных клиентам, депозитами, привлеченными от клиентов	$\frac{Д_{\text{кл}}}{CЗ_{\text{кл}}} \times 100\%$, где $Д_{\text{кл}}$ — депозиты клиентов, $CЗ_{\text{кл}}$ — кредиты клиентам

⁹ Financial Soundness Indicators: Compilation Guide // International Monetary Fund. 2007. pp. 1–3, 11–12, 181–189. URL: <https://data.imf.org/?sk=51B096FA-2CD2-40C2-8D09-0699CC1764DA> (дата обращения 15.11.2021).

¹⁰ Показатели прибыльности и рентабельности не рассматриваются в связи с тем, что на их значение оказывают существенное влияние резервы на возможные потери по ссудам, в отношении которых с 2020 г. введены регуляторные послабления.

Базой данных является официальная статистика ПФУ банковского сектора Российской Федерации, предоставляемая Банком России для включения в глобальную базу МВФ, за период с 2008 по 2020 гг.¹¹ Данный промежуток времени охватывает три последних мировых финансовых кризиса и соответствующие им восходящие и нисходящие стадии кредитного цикла.

Для построения долгосрочных исторических трендов ПФУ применен метод сглаживания ряда данных — фильтр Ходрика — Прескотта (Hodrick — Prescott filter, 1997), который используется в макроэкономике в качестве математического инструмента для установления тенденции переменной с течением времени (реализован в пакете Excel).

Следует отметить, что в научной литературе нет единой точки зрения относительно лучшего способа сглаживания временных рядов. В целях фильтрации данных используются, в частности, одномерный HP-filter, многомерный HP-filter, Band-Pass filter (1999). В данной работе применен двухсторонний линейный HP-filter, поскольку исследованиями доказано, что, несмотря на чувствительность этой модификации фильтра к добавлению новой информации, удастся получить лучшие результаты динамики отклонения фактических данных от тренда с точки зрения соответствия реальной ситуации и макроэкономическим прогнозам [3–5]. Кроме того, основываясь на статистике банковских секторов различных стран, эксперты показали, что итоговые оценки кредитного цикла оказались нечувствительными к методам фильтрации, альтернативным HP-filter (например, к BP-filter) [5, с. 6].

Первые итоги и прогнозы влияния пандемии на финансовую стабильность. Обзор литературы

Начало пандемии можно назвать «цунами», которое поглотило весь мировой финансовый рынок, при этом банки находились в эпицентре этого финансового «шторма», учитывая их роль в кредитовании экономики. Последующая умеренная стабилизация в большинстве стран

характеризовалась сильной дифференциацией банков по степени капитализации и прибыльности, из чего следует ожидать, что в ближайшей перспективе устойчивость банков со здоровыми балансами повысится и, наоборот, недостаточно капитализированные банки получат снижение инвестиционных рейтингов [6].

Способность банков кредитовать реальный сектор экономики в кризис зависит от поддержания достаточности капитала на уровне, необходимом для покрытия рисков и возможных будущих потерь по ссудам. Еще до пандемии исследователи изучали вопросы изменчивости стоимости рискованных активов и ее влияния на достаточность капитала как главный показатель стабильности банков и банковских систем. Так, Э. Бастос-Сантос и др. провели исследование вариативности стоимости рискованных активов на большой выборке международных банков за 2001–2016 гг. и установили, что рыночные оценки величины риска на протяжении всего периода постоянно превышали отчетные данные банков, при этом была выявлена статистически значимая прямая связь между степенью вариативности стоимости риска и долей сложных финансовых инструментов в деятельности банков, а также сильная обратная связь с уровнем капитализации [7]. Этот вывод свидетельствует в пользу того, что именно банки с ограниченным капиталом заинтересованы в занижении риска и становятся более уязвимыми в кризис. Вслед за этим П.Д. Макнелис и Дж. Йетман обнаружили, что более капитализированные банки, особенно системно значимые с учетом более жестких стандартов капитала, оказали в пандемический кризис наименьшие побочные эффекты на другие банки и оправдывают политику надзорных органов по установлению повышенных требований к достаточности капитала в виде надбавки за системную значимость [8].

Надбавки к достаточности капитала¹² являются важным инструментом регулирования банковской деятельности для поддержания кредитования экономики в период спада, поскольку увеличивают потенциальные ресурсы банков. Однако исследования показывают, что банки неохотно распускают буферы в ожидании значительных непредвиденных потерь по ссудам, особенно те,

¹¹ IMF Data — FSIs (публикуется с 2008 г.). URL: <http://data.imf.org/regular.aspx?key=61404590> (дата обращения 10.10.2021).

¹² Надбавки к достаточности капитала, или буферы капитала — буфер консервации, контрциклический буфер, буфер за системную значимость — введены стандартами капитала «Базель 3» в странах — участниках Базельского соглашения по капиталу и стимулируют банки к накоплению капитала на стадии подъема кредитного цикла для использования его в кризис.

которые испытывали проблемы с прибыльностью и привлечением капитала на финансовых рынках еще до пандемии [9]. В связи с этим эксперты считают, что меры контрциклического регулирования, применяемые к банкам, не дадут быстрого ощутимого эффекта в условиях пандемии в силу неожиданности шока и только усилят проциклическость, поэтому приоритетными должны стать специфические неотложные меры поддержки, такие как «платежные каникулы» для заемщиков и государственные гарантии по кредитам [9]. В то же время Р. Коэльо и Р. Замиля отмечают неоднозначность последствий применения специфических неотложных мер для стабильности банковского и реального сектора: «Органы надзора находятся «между молотом и наковальней»: с одной стороны, они разрешили отсрочить выплаты по кредитам, с другой — должны просчитать долгосрочные последствия этих льгот для банков и заемщиков с точки зрения обеспечения устойчивости банковского сектора и поддержания кредитоспособности предприятий» [10, с. 1]. Последствия программ отсрочки платежей для финансовой стабильности будут определяться тем, в какой степени заемщики смогут погасить свои долговые обязательства перед банками после завершения «платежных каникул», а это свидетельствует в пользу того, что государственные льготы должны быть дополнением к мерам, направленным на долгосрочное повышение капитализации банков.

Государственные гарантии финансирования кредитных программ для бизнеса, особенно малого и среднего, запущены во многих странах в целях компенсации резкого сокращения банковского кредитования, которое усилило бы неблагоприятные последствия пандемии. Кредиты в рамках таких программ направлены, в первую очередь, на недопущение дефолта компаний по операционным расходам, то есть заработной плате и краткосрочным обязательствам, однако такие кредиты увеличивают долговую нагрузку и в дальнейшем создают проблемы платежеспособности. Исследование Р. Банерджи показало, что если доход компаний упадет на 25% в год, то покрытие дефицита финансирования за счет краткосрочного долга повысит кредитное плечо этих компаний на 10 процентных пунктов [11]. В связи с этим органы надзора предупредили банки о том, что полученные гарантии не освобождают их от оценки кредитоспособности заемщиков

и создания соответствующих резервов под ожидаемые кредитные потери, при этом гарантии как обеспечение высшего качества позволяют формировать минимальные резервы и сохранять финансовый результат банков на приемлемом уровне [12]. Степень кредитного риска в долгосрочной перспективе зависит от того, насколько кризис повредит кредитному качеству заемщиков, поэтому решающее значение имеет точность прогнозной оценки риска внутри банка для поддержания уверенности инвесторов и надзорных органов в его финансовом благополучии. А. Бурова и др. показали, что внутренние модели оценки вероятности дефолта заемщиков, основанные на анализе их финансового состояния, точнее предсказывают наступление дефолта, чем официальные пруденциальные методики [13].

Пандемический кризис оживил интерес исследователей к вопросам анализа и прогнозирования смены фаз делового и финансового циклов. Например, Л.А. Киттар и др. на основе анализа индикаторов бизнес-циклов и экономических последствий пандемии выявили краткосрочные тенденции развития экономики Европейского Союза и оценили вероятность реализации финансовых рисков как высокую, подчеркнув стабилизирующую роль программ государственной поддержки экономики [14]. А.А. Широков также считает, что государственная поддержка в условиях текущего кризиса может стать наиболее эффективным способом восстановления уровня и качества жизни населения, поскольку в отличие от других кризисов пандемия принесла особенно большие социальные потери [15, с. 1–2]. Кроме того, на основе анализа влияния внешних финансовых шоков пандемии на ликвидность банковского сектора Российской Федерации он заключил, что в отличие от кризиса 2009 г. это влияние оказалось несущественным, и государству почти не пришлось тратить финансовые ресурсы на поддержание банковской системы. Благодаря традиционной избыточной ликвидности российские банки могли бы продолжать свою деятельность в объявленном властями режиме самоизоляции в течение трех месяцев без ухудшения финансовой устойчивости [15, с. 212–213]. В свою очередь М. Мамонов и др., проведя анализ роли внешних и внутренних финансовых шоков в формировании фаз кредитного цикла в 1990–2019 гг. на примере 27 развитых и развивающихся стран, включая Россию, доказали рост эффективности

монетарной политики в Российской Федерации по контролю за кредитным циклом и, соответственно, снижение роли шоков банковского кредитования для экономики, что позволило в значительной степени нейтрализовать последствия пандемического кризиса [16].

Таким образом, большинство зарубежных и отечественных исследователей пришли к выводу о том, что антикризисные меры официальных властей по поддержке реального и банковского секторов являются эффективными и вселяют уверенность относительно укрепления финансовой стабилизации. Государственная поддержка в форме моратория на кредитные платежи и предоставления финансирования на реализацию кредитных программ позволила компаниям избежать дефолта, а банкам — снизить кредитный риск, восстановить кредитную активность, сохранить финансовый результат. Однако долгосрочная стабильность банков будет зависеть от их способности поглощать кредитные потери по окончании сроков действия программ правительственной

помощи и надзорных послаблений, что требует продуманной стратегии управления рисками при достаточной капитализации.

Вклад данного исследования состоит в изучении влияния пандемического кризиса на стабильность банковского сектора России на основе экономико-статистического анализа динамики показателей финансовой устойчивости, а также в выявлении особенностей текущего кризиса для банковской системы.

Экономико-статистический анализ показателей финансовой устойчивости банковского сектора Российской Федерации за 2008–2020 годы

Достаточность капитала. Достаточность капитала с 2008 по 2020 г. имеет понижающийся тренд, что в целом говорит об опережении роста стоимости рисков активов над увеличением стоимости капитала (см. рис. 1).

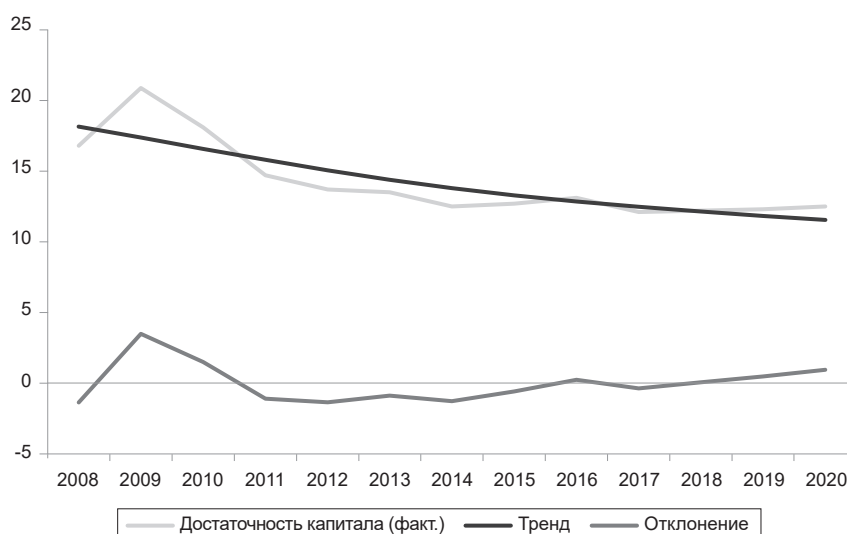

Рис. 1. Достаточность капитала (в процентах)

Максимальное фактическое значение показателя приходится на кризисный 2009 г. — 20,9% и объясняется снижением риска в результате досоздания банками резервов на возможные потери по ссудам вслед за ухудшением качества кредитных портфелей, а также замедлением темпов прироста вновь выдаваемых кредитов. В 2011–2014 гг. по мере оживления экономики темпы прироста рисков активов значительно опережали темпы прироста капитала, поскольку банки восстанавливали резервы и усиливали кредитную активность, стара-

ясь наверстать упущенную в кризис доходность (по итогам 2014 г. достаточность капитала снизилась до 12,5%).

Начиная с 2015 г. значение показателя стабилизировалось на достигнутом уровне на фоне внедрения в банках требований Банка России по соблюдению внутренних процедур управления капиталом и рисками в соответствии с международными подходами регулирования банковской деятельности. Данные последних лет показывают, что российские банки привели в соответствие

темпы прироста капитала и рисков и поддерживают показатель достаточности капитала практически на одном уровне (12–13% по банковскому сектору), который является комфортным с учетом введенных в практику надзора регулятивных надбавок к капиталу в полном объеме с 01.01.2020.

По сравнению с предшествующим пандемии 2019 г. в 2020 г. показатель достаточности капитала остался практически на том же уровне (12,3% и 12,5%, соответственно). Этот факт свидетельствует о том, что, несмотря на кризис, банкам удалось сохранить соотношение темпов прироста рисков и капитала, а следовательно, и стабильность бизнеса. Активный рост банковского кредитования в 2020 г. как в отношении корпоративных, так и розничных заемщиков стал возможным благодаря антикризисным мерам Правительства Российской Федерации и Банка России, в том числе программам государственного финансирования, и был компенсирован досозданием резервов по ранее выданным ссудам¹³, в результате чего стоимость риска практически не увеличилась¹⁴. Одновременно введенный Банком России льготный режим резервирования по ссудам, включающий временную отсрочку создания резервов, способствовал поддержанию прибыли и капитала банков.

Отклонение показателя достаточности капитала от тренда было максимально положительным в 2009 и 2010 гг. (до 3,5 % в 2009 г.), так как фактическое значение показателя в эти годы находилось на самом высоком уровне. В дальнейшем, по мере снижения показателя, отклонение вошло в отрицательную область, а с 2016 г. практически соответствует тренду. Заметное положительное отклонение от тренда произошло только в 2020 г. (0,96%). Таким образом, мы видим цикличность в динамике достаточности капитала: положительное отклонение от тренда в кризисные годы и отрицательное — в периоды экономического оживления. Примечательно, что банковский кризис ликвидности 2014–2015 гг. не оказал существенного влияния на изменение достаточности капитала в эти годы, но его последствия реали-

зовались в дальнейшем через сокращение числа нежизнеспособных банков, сопровождающееся снижением риска в банковском секторе.

Вывод: в 2020 г. фактическое значение показателя достаточности капитала осталось на том же уровне, что и в 2019 г., что свидетельствует о сохранении стабильности банковского сектора. Отклонение показателя в 2020 г. от исторического тренда в положительную область в большей степени, чем в 2019 г., характеризует нарастание кризисной ситуации, но это отклонение почти в 4 раза меньше, чем в кризис 2009 г.

Нагрузка на капитал. В отличие от показателя достаточности капитала показатель нагрузки на капитал имеет повышательный тренд, причем явно выраженный, что говорит о более высоких темпах прироста непокрытых резервами «плохих» кредитов над темпами прироста капитала (см. рис. 2). Наименьшая нагрузка на капитал (6,9%) наблюдалась по итогам 2008 г., но в 2009 г., на который пришелся пик экономического кризиса (прирост ВВП страны составил (-7,9%) [12, с. 211]), она возросла почти в 2 раза до 12,1%. По мере нормализации экономических условий нагрузка на капитал начала снижаться, но в кризис 2015 г. вновь резко возросла и достигла максимального уровня 20,3% вследствие падения мировых цен на энергоресурсы и неспособности крупнейших добывающих компаний выполнять свои долговые обязательства перед кредиторами, в т. ч. из-за девальвации рубля.

Снижение показателя в последующие годы связано с внушительным досозданием резервов по ссудам слабыми банками по предписанию Банка России по причине низкого качества их кредитных портфелей и образования убытков, что, в свою очередь, привело к массовому отзыву банковских лицензий (в 2016–2018 гг. число действующих банков сократилось на 249 ед. до 484 ед., или на 34%¹⁵). В 2020 г. значение показателя ниже предшествующего года (12,5% против 13,8%) и свидетельствует о том, что оставшиеся на рынке сильные банки благодаря хорошему

¹³ Банковский сектор IV квартал 2020 // Аналитический обзор. Банк России. 2020. с. 4. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/35469/analytical_review_bs-2020-4.pdf (дата обращения 01.11.2021).

¹⁴ Снижению кредитного риска способствовали не только резервы по ссудам, но и изменение регулятивных требований к расчету его стоимости: значительное число российских банков, стоимость активов которых составляет почти 80% стоимости активов сектора, в 2020 г. перешли на финализированный подход к оценке кредитного риска, повышающий точность оценки риска в сторону его снижения (О развитии банковского сектора Российской Федерации в декабре 2020 года // Информационно-аналитический материал. Банк России. 2021. с. 5. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/31927/razv_bs_20_12.pdf (дата обращения 01.11.2021).

¹⁵ Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2018 г., с. 33. URL: https://old.cbr.ru/Content/Document/File/72560/bsr_2018.pdf (дата обращения 01.11.2021).

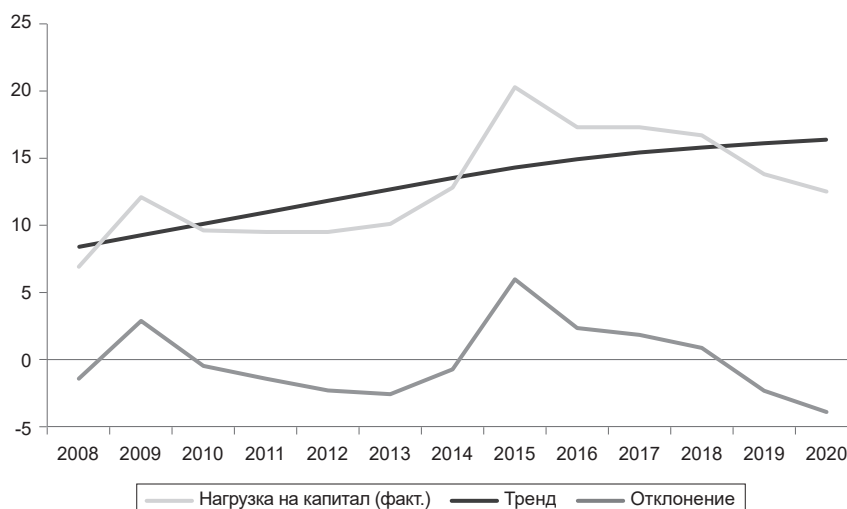

Рис. 2. Нагрузка на капитал (в процентах)

качеству кредитных портфелей снизили нагрузку на капитал, но в то же время это значение чуть выше, чем в 2009 г.

Отклонение показателя нагрузки на капитал от тренда было положительным в 2015–2018 гг. (особенно в 2015 г. – 6%) и говорит об отставании создаваемых резервов от роста «плохих» кредитов. Положительное отклонение наблюдалось и в 2009 г., но на более низком уровне – 2,9%. Следовательно, кризис 2009 г. сопровождался для банков меньшей нагрузкой на капитал, чем кризис 2015 г. Сокращение положительного отклонения в 2016–2018 гг. объясняется признанием кредитных убытков нежизнеспособными банками. В 2019–2020 гг. отклонение от тренда стало отрицательным, что указывает на уменьшение разрыва между стоимостью «плохих» кредитов и созданных под них резервов, при этом величина отрицательного отклонения в 2020 г. увеличилась по сравнению с 2019 г. (–3,92%) против (–2,34%). Таким образом, наблюдается цикличность в динамике показателя нагрузки на капитал: положительное отклонение от тренда в кризисные годы и отрицательное – в периоды экономического оживления, за исключением 2016–2018 гг., когда происходили структурные изменения в банковском секторе, и 2019–2020 гг., когда банки предприняли существенное досоздание резервов в ожидании финансового стресса.

Вывод: фактическое значение показателя нагрузки на капитал в 2020 г., несмотря на кризис, ниже, чем в 2019 г., при этом увеличивающееся отклонение показателя от тренда в отрицательную область является хорошей тенденцией, поскольку

свидетельствует об уменьшении кредитного риска банков в результате сокращения разрыва между «плохими» кредитами и созданными под них резервами. В кризисные 2009 и 2015 гг. отклонение показателя от тренда, наоборот, было положительным, что говорит об уязвимости капитала банков к поглощению непредвиденных кредитных потерь и убытков в те годы.

Доля просроченной ссудной задолженности.

Тренд показателя имеет явно выраженный повышательный характер, то есть качество кредитных портфелей банков заметно ухудшалось на протяжении анализируемого периода (см. рис. 3). В кризис 2009 г. значение показателя поднялось до 9,5%, но по мере улучшения экономической ситуации постепенно снижалось вплоть до 2014 г., после чего опять последовал существенный рост до максимальной отметки 10,1% в 2018 г. Увеличение доли просроченной задолженности в портфелях банков в 2014–2018 гг. было связано как с финансовым кризисом 2014–2015 гг., так и с ухудшением качества ссуд на балансах неустойчивых банков, подлежащих ликвидации. С 2019 г. наблюдается некоторое снижение доли «плохих» кредитов до 8,8% в 2020 г., что ниже, чем в кризисы 2009 и 2015 гг. Сокращение доли «плохих» кредитов в 2020 г. связано в основном с регулятивными льготами Банка России по отсрочке переклассификации ссуд в более высокие категории кредитного риска в связи с ухудшением кредитного качества заемщиков.

Положительное отклонение от тренда наблюдалось в 2009–2010 гг. и на протяжении 2015–2018 гг. и объясняется как кризисами, так и их последствиями по накоплению «плохих» долгов на балан-

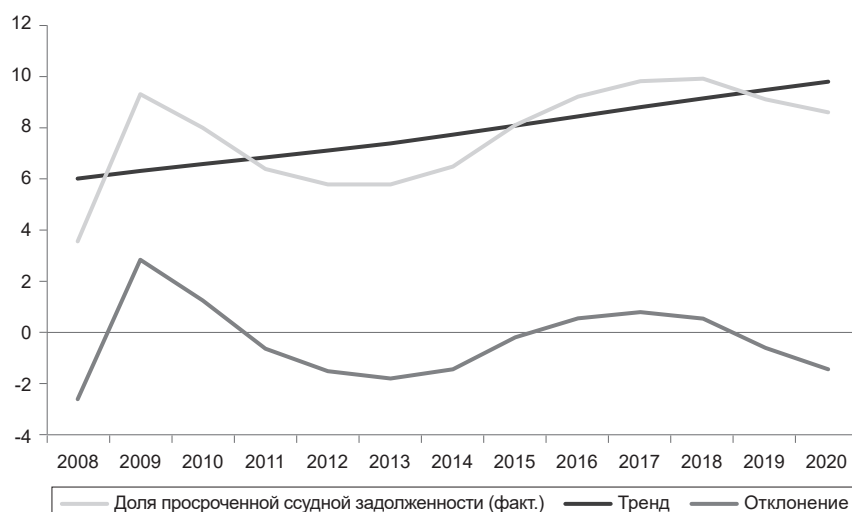

Рис. 3. Доля просроченной ссудной задолженности (в процентах)

сах банков, в первую очередь, нежизнеспособных. Наиболее сильным положительное отклонение было в 2009 и 2017 гг., но если в 2009 г. это объясняется кризисом, то в 2017 г. — ухудшением качества кредитных портфелей ликвидируемых банков. В 2019–2020 гг. отклонение от тренда сместилось в отрицательную область, при этом в 2020 г. оно больше, чем в предшествующем году. Таким образом, видна цикличность в динамике доли просроченных кредитов: положительное отклонение от тренда в кризисные годы и отрицательное — в периоды экономического оживления, за исключением 2016–2018 гг., на которые пришлось структурная перестройка банковского сектора, и 2020 г. в связи с введением «платежных каникул» и предоставлением банкам отсрочки по переводу просроченных ссуд в категорию «плохих».

Вывод: фактическое значение показателя доли просроченной задолженности в совокупном портфеле банков в 2020 г. ниже, чем в 2019 г. Отрицательная величина отклонения в 2020 г. значительно больше по сравнению с предшествующим годом, что говорит об улучшении качества кредитных портфелей банков благодаря антикризисным мерам. В период кризисов 2009 и 2015 гг. отклонение показателя от тренда, напротив, было положительным.

Ликвидные активы к краткосрочным обязательствам. Тренд показателя явно повышательный, что свидетельствует о значительном ускорении темпов роста ликвидных активов банков над краткосрочными обязательствами (см. рис. 4). Значение показателя на уровне более 100% зафиксировано в кризисные годы: в 2009 г. (102,4%)

и 2015 г. (139,3%), причем начиная с 2015 г. продолжался его рост до максимальной отметки 180,6% по итогам 2019 г. Повышение показателя в кризис объясняется желанием банков держать запас ликвидных средств в условиях финансовой нестабильности. Существенный рост показателя после кризиса вызван ситуацией структурного профицита ликвидности на денежном рынке Российской Федерации, начавшейся с середины 2016 г., а также перераспределением обязательств банков в сторону долгосрочных источников финансирования. По итогам 2020 г. показатель снизился до 118,6%, но продолжает сохранять высокий уровень.

Заметные положительные отклонения от тренда наблюдаются в кризисные 2009 и 2015 гг. (17,5% и 16,2%, соответственно) с нарастанием до 2020 г., особенно в 2017 г. (27,4%), в том числе за счет сокращения числа слабых банков с дефицитом ликвидных активов. В 2020 г. отклонение стало резко отрицательным (-43,2%) в связи с более низкими темпами прироста ликвидных активов на фоне сокращения денежных потоков в экономике и роста рискованных активов. Таким образом, мы наблюдаем цикличность в динамике уровня покрытия краткосрочных обязательств ликвидными активами: положительное отклонение от тренда в кризисные годы и отрицательное — в периоды экономического оживления. Существенные положительные отклонения в благоприятные для банковского сектора 2016–2019 гг. объясняются профицитом ликвидности на внутреннем денежном рынке и структурными изменениями в банковском секторе, сопровождающимися уходом с рынка банков с проблемными, неликвидными активами.

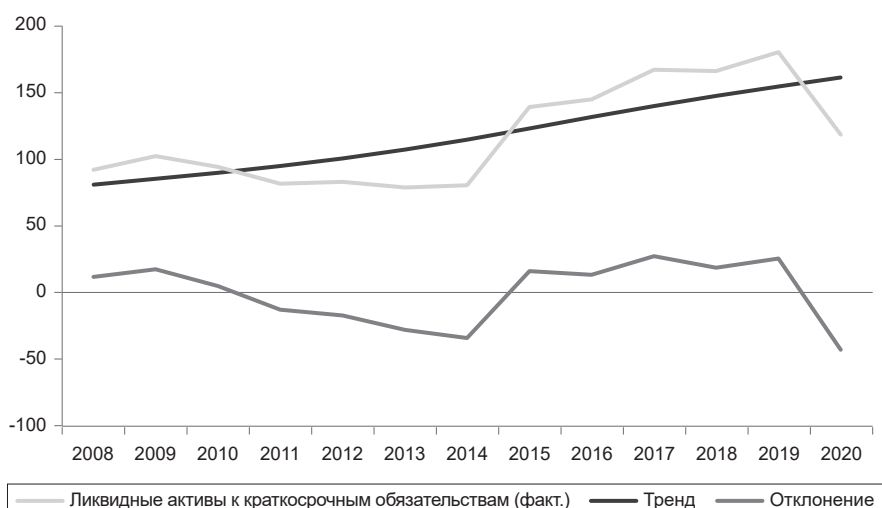

Рис. 4. Отношение ликвидных активов к краткосрочным обязательствам (в процентах)

Вывод: фактическое значение отношения ликвидных активов к краткосрочным обязательствам в 2020 г. ниже, чем в 2019 г., но находится на высоком уровне. Отклонение показателя от тренда в отрицательную область в 2020 г. объясняется снижением доли ликвидных активов на балансах банков из-за сокращения денежных потоков в экономике и расширения кредитования при одновременном повышении темпов прироста краткосрочных обязательств по мере нормализации ситуации в экономике к концу 2020 г. В кризисы 2009 и 2015 гг. отклонение, напротив, было положительным. Особенностью динамики показателя является его существенный рост и сильное положительное отклонение в период экономического оживления 2016–2019 гг. по причине профицита ликвидности на внутреннем денежном рынке Российской Федерации и структурных изменений в банковском секторе.

Депозиты клиентов к кредитам клиентам.

Показатель имеет плавно восходящий тренд, а с 2015 г. — почти постоянный уровень тренда в диапазоне 72–73% (см. рис. 5). Такой уровень означает, что депозиты используются для финансирования кредитов в полном объеме, а остальные 27–28% стоимости кредитного портфеля финансируются другими источниками (средства других банков, рефинансирование Банка России, выпущенные долговые ценные бумаги). Стабильный уровень тренда с 2015 г. говорит о практически постоянной структуре источников финансирования российских банков в последние годы.

Резкий рост показателя наблюдается в 2009 и 2015 гг., поскольку в неблагоприятной рыночной

ситуации средства клиентов остаются самым надежным источником финансирования кредитного портфеля по сравнению с займами банков на денежном рынке. Кроме того, в кризис темпы прироста кредитных портфелей падают ниже темпов прироста депозитов. На соотношение стоимости депозитов и кредитов повлияла также положительная валютная переоценка этих финансовых инструментов в результате девальвации рубля в пользу депозитов, имеющих по сравнению с кредитами большую валютную составляющую. В 2020 г. соотношение депозитов и кредитов по сравнению с 2019 г. заметно снизилось до 62,9% и является минимальным на протяжении всего анализируемого периода, то есть опережающие темпы прироста кредитных портфелей обеспечены недепозитными источниками финансирования — государственным субсидированием кредитных программ и рефинансированием Банка России.

Отрицательные отклонения показателя от тренда наблюдаются накануне кризисов в периоды кредитных «бумов», положительные — в кризисные и посткризисные годы. Переход отклонения в отрицательную область в 2019 г. и особенно в 2020 г., когда был достигнут исторический максимум (-9,6%), говорит о снижении роли депозитов в финансировании кредитов и замещении их другими источниками финансирования. Отставание темпов прироста депозитов от темпов прироста кредитов вызвано также снижением прироста сбережений населения в результате падения доходов и ухудшением финансового состояния предприятий. Очевидно, эта тенденция будет продолжаться в ближайшем будущем. Таким образом, видна цикличность в динамике степени покрытия

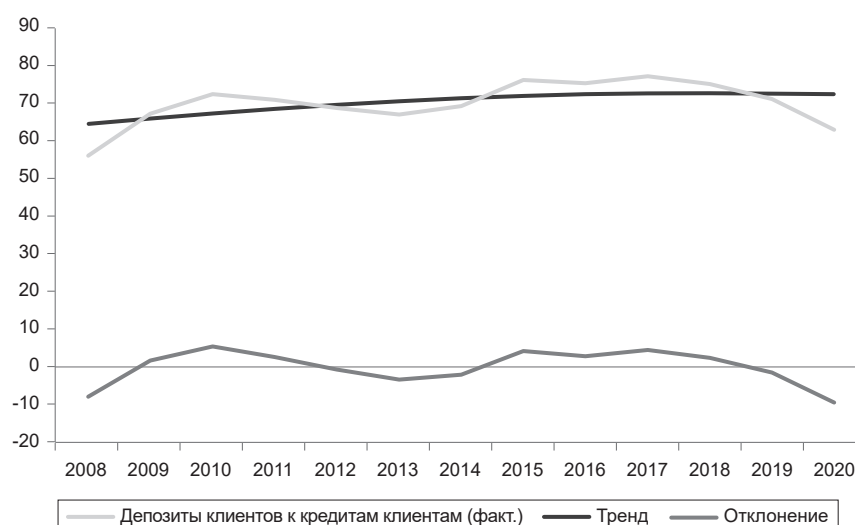

Рис. 5. Отношение депозитов клиентов к кредитам клиентам (в процентах)

кредитов депозитами: положительное отклонение от тренда в кризис и отрицательное — накануне кризиса, на стадии кредитного бума (например, -8,1% в 2008 г. и -3,5% в 2013 г.). Эта закономерность показывает, что на восходящей стадии кредитного цикла банки финансируют кредитный портфель всеми доступными источниками финансирования, стремясь заработать максимальную прибыль на пике кредитного спроса. Наивысшее отрицательное отклонение на протяжении всего анализируемого периода зафиксировано в 2020 г. на уровне -9,6%, что говорит о «перегреве» кредитного рынка, главным образом, рынка жилой ипотеки, спрос на которую резко вырос благодаря низким процентным ставкам и льготным программам финансирования жилья.

Вывод: фактическое значение показателя соотношения депозитов и кредитов в 2020 г. заметно ниже, чем в 2019 г., т. е. происходит снижение роли депозитных источников в финансировании кредитного портфеля банков. Переход отклонения от тренда в отрицательную область в 2019 г. с резким усилением в 2020 г. вызван опережающими темпами прироста кредитов, в т. ч. за счет государственного финансирования в период пандемии, при этом существенное отрицательное отклонение в 2020 г. является сигналом «перегрева» кредитного рынка за счет сегмента жилой ипотеки. В периоды кризисов 2009 и 2015 гг. и посткризисные годы отклонение от тренда было положительным в результате «сжатия» кредитного предложения, а также положительной переоценки депозитов, выраженных в иностранной валюте.

В 1 полугодии 2021 г. показатели кредитного риска и ликвидности в банковском секторе Российской Федерации по сравнению с итогом 2020 г. не ухудшились: достаточность капитала не изменилась, нагрузка на капитал и доля просроченных ссуд снизились, показатели ликвидности незначительно снизились, но остаются на высоком уровне¹⁶.

Заключение

Экономический и финансовый кризис, вызванный пандемией COVID-19, не привел к значительному стрессу и проявлению системных рисков в банковском секторе России благодаря изначально хорошему качеству банковских активов, переходу в полном объеме на международные стандарты банковского регулирования, направленные на укрепление финансовой стабилизации, а также своевременному и эффективному использованию инструментов монетарной политики. Показатели уровня кредитного риска и ликвидности банковского сектора по итогам 2020 г. были лучше, чем в предшествующем году, что говорит о стабильности банков в условиях пандемии.

Достаточность капитала осталась на том же уровне, поскольку рост кредитного риска был компенсирован досозданием резервов на возможные потери по ссудам в ожидании банками неблагоприятного развития событий и потенциальных кредитных потерь при соблюдении консервативного подхода к оценке рисков. Введение официальными органами власти «платежных каникул»,

¹⁶ IMF Data — FSIs. URL: <http://data.imf.org/regular.aspx?key=61404590> (дата обращения 10.10.2021).

а также отсрочки переклассификации ссуд в более высокие категории кредитного риска в связи с ухудшением кредитного качества заемщиков позволили банкам снизить долю «плохих» кредитов в кредитном портфеле, а рост резервов под эти кредиты способствовал снижению нагрузки на капитал в случае реализации непредвиденных кредитных потерь. Показатели ликвидности хотя и снизились в результате усиления кредитной активности банков благодаря государственным мерам поддержки кредитных программ, но находятся на высоком уровне. Расширение банковского кредитования в противовес кредитному «сжатию», которое наблюдалось в 2009 и 2015 гг., а также снижение доли «плохих» кредитов на балансах банков стали отличительной особенностью текущего кризиса, что позволило банкам сохранить финансовый результат и капитализацию.

Вместе с тем экономико-статистический анализ динамики ПФУ банковского сектора на протяжении последних 12 лет позволил выявить негативные тенденции — падение достаточности капитала, увеличение нагрузки на капитал и доли просроченной задолженности по ссудам. Однако этот факт во многом объясняется влиянием на исторические тренды значительных «выбросов» данных показателей во время банковских кризисов 2009 и 2015 гг.

Анализ отклонений ПФУ от трендов показал, что имеет место проциклический характер динамики показателей: положительные отклонения (как показателей кредитного риска, так и ликвидности) наблюдаются в периоды кризисов, отрицательные отклонения — в периоды экономического оживления. Проциклическость в поведении показателей кредитного риска указывает на усиление рисков на нисходящей стадии кредитного цикла и ослабление — на восходящей стадии. Проциклическость в поведении показателей ликвидности означает снижение ликвидности на восходящей стадии кредитного цикла, особенно накануне кризисов, и рост ликвидности на нисходящей стадии, то есть в годы рецессии и кризиса ликвидность банковских балансов лучше, чем в годы экономического подъема. Эти закономерности не подтвердились в посткризисные 2016–2018 гг., на которые пришлась структурная перестройка банковского сектора, сопровождающаяся массовым закрытием нежизнеспособных банков, а также в кризисный 2020 г., когда антикризисные меры дали толчок позитивной

динамике ПФУ, и тем самым был достигнут эффект благоприятных экономических условий, несмотря на пандемический кризис.

В качестве направлений дальнейших исследований планируется изучение стабильности банковского сектора Российской Федерации на последующих стадиях финансового цикла с учетом изменений цикла деловой активности, в том числе выявление эффектов пандемического кризиса на всем его протяжении.

Литература

1. **Ehrentraud J., Zamil R.** Prudential Response to Debt under Covid-19: The Supervisory Challenges // FSI Briefs No. 10. Financial Stability Institute. 2020. 9 p. URL: <https://www.bis.org/fsi/fsibriefs10.pdf>.
2. **Tissot B., De Beer B.** Implications of Covid-19 for Official Statistics: A Central Banking Perspective // IFC Working Papers No. 20. Irving Fisher Committee on Central Bank Statistics. 2020. 25 p. URL: <https://www.bis.org/ifc/publ/ifcwork20.pdf>.
3. **Моисеев С.Р.** Макропруденциальная политика: цели, инструменты и применение в России // Банковское дело. 2011. № 5. С. 12–20.
4. **Drehmann M., Gambacorta L.** The Effects of Countercyclical Capital Buffers on Bank Lending // Applied Economics Letters. 2012. Vol. 19. Iss. 7. P. 603–608. doi: <https://doi.org/10.1080/13504851.2011.591720>.
5. **Дерюгина Е.Б., Пономаренко А.А.** Определение фазы кредитного цикла в реальном времени в странах с формирующимися рынками // Серия докладов об экономических исследованиях. Банк России. 2017. № 17. С. 1–21. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/16722/wps_17.pdf.
6. **Aldasoro I. et al.** Effects of Covid-19 on the Banking Sector: The Market's Assessment // BIS Bulletin No. 12. Bank for International Settlements. 2020. 7 p. URL: <https://www.bis.org/publ/bisbull12.pdf>.
7. **Bastos e Santos E. et al.** Variability in Risk-Weighted Assets: What Does the Market Think? // BIS Working Papers No. 844. Bank for International Settlements. 2020. 48 p. URL: <https://www.bis.org/publ/work844.pdf>.
8. **McNelis P.-D., Yetman J.** Volatility Spillovers and Capital Buffers Among the G-SIBs // BIS Working Papers No. 856. Bank for International Settlements. 2020. 22 p. URL: <https://www.bis.org/publ/work856.pdf>.
9. **Borio C., Restoy F.** Reflections on Regulatory Responses to the Covid-19 Pandemic // FSI Briefs No. 1. Financial Stability Institute. 2020. 7 p. URL: <https://www.bis.org/fsi/fsibriefs1.pdf>.
10. **Coelho R., Zamil R.** Payment Holidays in the Age of Covid: Implications for Loan Valuations, Market Trust and Financial Stability // FSI Briefs No. 8. Financial Stability Institute. 2020. 8 p. URL: <https://www.bis.org/fsi/fsibriefs8.pdf>.
11. **Banerjee R. et al.** Covid-19 and Corporate Sector Liquidity // BIS Bulletin No. 10. Bank for International Settlements. 2020. 7 p. URL: <https://www.bis.org/publ/bisbull10.pdf>.

12. **Baudino P.** Public Guarantees for Bank Lending in Response to the Covid-19 Pandemic // *FSI Briefs No. 5*. Financial Stability Institute. 2020. 7 p. URL: <https://www.bis.org/fsi/fsibriefs5.pdf>.

13. **Бурова А., Пеникас Г., Попова С.** Применение модели вероятности дефолта для оценки прогнозируемого кредитного риска // *Деньги и кредит*. 2021. Т. 80. № 3. С. 49–72. doi: <https://doi.org/10.31477/rjmf.202103.49>.

14. **Китрар Л.А., Липкинд Т.М., Остапкович Г.В.** Коронакризисные тенденции в европейской экономике: новые вызовы, риски, ожидания // *Вопросы*

статистики. 2020. Т. 27. № 5. С. 95–113. doi: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-5-95-113>.

15. **Широв А.А.** Пандемический кризис экономики: механизмы развития и решения в области экономической политики // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2021. Т. 49. № 1. С. 209–216. doi: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-49-1-10>.

16. **Мамонов М.** и др. Финансовые шоки и кредитные циклы // *Деньги и кредит*. 2020. Т. 79. № 4. С. 45–74. doi: <https://doi.org/10.31477/rjmf.202004.45>.

Информация об авторе

Хасянова Светлана Юрьевна — канд. экон. наук, доцент, доктор философии Университета им. Г. Маркони (г. Рим, Италия), заведующая кафедрой банковского дела факультета экономики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Нижнем Новгороде. 603155, г. Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, д. 25/12. E-mail: shasyanova@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9147-8496>.

References

1. **Ehrentraud J., Zamil R.** Prudential Response to Debt under Covid-19: The Supervisory Challenges. *FSI Briefs No. 10*. Financial Stability Institute; 2020. 9 p. Available from: <https://www.bis.org/fsi/fsibriefs10.pdf>.

2. **Tissot B., De Beer B.** Implications of Covid-19 for Official Statistics: A Central Banking Perspective. *IFC Working Papers No. 20*. Irving Fisher Committee on Central Bank Statistics; 2020. 25 p. Available from: <https://www.bis.org/ifc/publ/ifcwork20.pdf>.

3. **Moiseev S.R.** Macroprudential Policy: Goals, Tools and Application in Russia. *Bankovskoe Delo*. 2011;5:12–20. (In Russ.)

4. **Drehmann M., Gambacorta L.** The Effects of Countercyclical Capital Buffers on Bank Lending. *Applied Economics Letters*. 2012;19(7):603–608. Available from: <https://doi.org/10.1080/13504851.2011.591720>.

5. **Deryugina E.B., Ponomarenko A.A.** Real-Time Determination of Credit Cycle Phases in Emerging Markets. *Bank of Russia Working Paper Series, No. 17*. 2017. P. 1–21. (In Russ.) Available from: https://cbr.ru/Content/Document/File/16722/wps_17.pdf.

6. **Aldasoro I.** et al. Effects of Covid-19 on the Banking Sector: The Market's Assessment. *BIS Bulletin No. 12*. Bank for International Settlements; 2020. 7 p. Available from: <https://www.bis.org/publ/bisbull12.pdf>.

7. **Bastos e Santos E.** et al. Variability in Risk-Weighted Assets: What Does the Market Think? *BIS Working Papers No. 844*. Bank for International Settlements; 2020. 48 p. Available from: <https://www.bis.org/publ/work844.pdf>.

8. **McNelis P.-D., Yetman J.** Volatility Spillovers and Capital Buffers Among the G-SIBs. *BIS Working Papers No. 856*. Bank for International Settlements; 2020. 22 p. Available from: <https://www.bis.org/publ/work856.pdf>.

9. **Borio C., Restoy F.** Reflections on Regulatory Responses to the Covid-19 Pandemic. *FSI Briefs No. 1*. Financial Stability Institute; 2020. 7 p. Available from: <https://www.bis.org/fsi/fsibriefs1.pdf>.

10. **Coelho R., Zamil R.** Payment Holidays in the Age of Covid: Implications for Loan Valuations, Market Trust and Financial Stability. *FSI Briefs No. 8*. Financial Stability Institute; 2020. 8 p. Available from: <https://www.bis.org/fsi/fsibriefs8.pdf>.

11. **Banerjee R.** et al. Covid-19 and Corporate Sector Liquidity. *BIS Bulletin No. 10*. Bank for International Settlements; 2020. 7 p. Available from: <https://www.bis.org/publ/bisbull10.pdf>.

12. **Baudino P.** Public Guarantees for Bank Lending in Response to the Covid-19 Pandemic. *FSI Briefs No. 5*. Financial Stability Institute; 2020. 7 p. Available from: <https://www.bis.org/fsi/fsibriefs5.pdf>.

13. **Burova A., Penikas H., Popova S.** Probability of Default Model to Estimate Ex Ante Credit Risk. *Russian Journal of Money and Finance*. 2021;80(3):49–72. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.31477/rjmf.202103.49>.

14. **Kitrar L.A., Lipkind T.M., Ostapovich G.V.** Corona Crisis Tendencies in the European Economy: New Challenges, Risks, Expectations. *Voprosy statistiki*. 2020;27(5):95–113. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2020-27-5-95-113>.

15. **Shirov A.A.** The Pandemic Crisis: The Mechanisms of Development and Solutions for Economic Policy. *Journal of the New Economic Association*. 2021;49(1):209–216. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-49-1-10>.

16. **Mamonov M.** et al. Financial Shocks and Credit Cycles. *Russian Journal of Money and Finance*. 2020;79(4):45–74. (In Russ.) Available from: <https://doi.org/10.31477/rjmf.202004.45>.

About the author

Svetlana Yu. Khasyanova — Cand. Sci. (Econ.), PhD of Università degli Studi Guglielmo Marconi (Italy, Rome); Associate Professor, Head of Banking Department, Faculty of Economics, HSE University. 25/12, Bolshaya Pecherskaya Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russia. E-mail: shasyanova@hse.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9147-8496>.